

УС (ХХХ)
Х у - 91
2/3 - 1/4
1/5
ТҮЛНІҢ, ЛИТЕРАТУРАНЫҢ ПААЗА ИСТОРИЯНЫҢ
ХАКАС НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ИНСТИТУДЫ

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ЎГРЕДІГЛІГ
ПІЧІКТЕР
XX
УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ

АБАКАН — 1976

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
А Б А К А Н — 1976

ҮГРЕДІГЛІГ ПІЧІКТЕР

XX сыхча

Филология сериязы 3 №

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск XX

Серия филологическая № 3

Хакасская областная
БИБЛИОТЕКА

Печатается по постановлению
Ученого Совета Хакасского
НИИЯЛИ

Редакционная коллегия:

*Боргояков М. И. (отв. ред.),
Карпов В. Г., Майногашева В. Е.,
Патачакова Д. Ф., Трояков П. А.,
Унгвицкая М. А.*

О. В. СУБРАКОВА

МОНГОЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ
ХАКАССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

В языке хакасского героического эпоса, также, как и в современном хакасском языке,¹ наряду с большой группой слов, относимых к тюрко-монгольским параллелям, имеются лексические заимствования из монгольских языков. Могли они проникнуть в хакасский язык, а также в языки народов Южной Сибири (в число которых входит и хакасский), в основном, в XIII—XVIII вв.² Это, как известно, время наиболее тесного соприкосновения монгольских и тюркских народов. Поскольку уже в языке орхон-енисейских памятников обнаружены лексико-грамматические параллели, возможно, были связи и до V-VIII вв., когда народы Саяно-Алтайского нагорья тесно соприкасались и общались с монгольскими народами. Это подтверждается и мнением Б. М. Юнусалиева, который считает, что некоторая часть монгольских заимствований могла проникнуть в языки народов Южной Сибири и до XII—XIII вв., ибо они имеются в языках вышеназванных народов и в киргизском языке. Предположения о заимствовании в XII—XIII вв. от ассимилировавшихся в Средней Азии с другими тюркоязычными народами монгольских племен отпадают, так

¹ Поскольку письменных традиций хакасского языка не было, литературный язык оформился на основе современных диалектов, в которых отражаются особенности устной разговорной речи и языка произведений устного народного творчества, сохранивших закономерности развития народного языка. Следовательно, язык героического эпоса в основе своей мало чем отличается от общенародного хакасского языка.

² Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. Развитие основного словарного фонда и словарного состава. См. в кн. «Хакасско-русский словарь». М., 1953, стр. 390.

как в этом случае указанные слова должны были быть как у казахов, так и у узбеков, в этнический состав которых вошло, как известно, немало монголоязычных племен.³

Но большая часть заимствований, надо считать, проникла в хакасский язык, соответственно в язык эпоса, в период монгольских завоеваний, т. е. в XIII—XVII вв.

Специальных работ, посвященных вопросам монгольских заимствований в хакасском языке, еще нет. Имеется только небольшой перечень монгольских заимствований в учебниках хакасского языка, в некоторых статьях, в грамматическом очерке «Хакасско-русского словаря», в рукописи Ц. Д. Номинханова⁴ и в работе Н. Ф. Катанова.⁵

В данной статье, не вдаваясь в подробности определения времени заимствования монголизмов, нам хотелось бы остановиться на некоторых критериях выделения заимствованности, основываясь, в основном, на методике, разработанной Б. М. Юнусалиевым,⁶ а также вкратце проанализировать морфологическую и фонетическую структуру монгольских заимствований в хакасском языке.

Источниками наблюдения послужили фольклорные материалы, опубликованные на хакасском языке, и материалы рукописного фонда Хакасского НИИЯЛИ, а также привлекался материал из словарей хакасского и других тюркских и монгольских языков. Фольклорные тексты были записаны на слух и на магнитофонную ленту.

Чтобы установить заимствованность того или иного слова, мы учитывали его фонетические, морфологические и семантические признаки, т. е., как пишет Б. М. Юнусалиев, принципы, которые известны в сравнительно-историческом языкознании.

Например, такие хакаские слова, как *хараған* || *харғана* 'кустарник', *п(м)алтырған* 'борщевник', *көбірген* 'полевой лук', соответствующие монгольским *харғана*, *балчырғана*,⁷ считаем исконно монгольскими на том основании, что аффикс *-ғана*, *-ган* является очень продуктивным и характерным для монгольских

³ Б. М. Юнусалиев. Киргизская лексикология, часть I. Фрунзе, 1959, стр. 216.

⁴ Ц. Д. Номинханов. Словарь лексических сходжений хакасского и монгольского языков. Рукоп. фонд ХакНИИЯЛИ, № 264.

⁵ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903.

⁶ Б. М. Юнусалиев. Указ. раб., стр. 209—219.

⁷ Здесь и дальше монгольские слова даны по книге «Монгольско-русский словарь». Под ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957.

языков, а в тюркских языках аффикс **-гана**, **-ган** со значением названия из растительного мира не встречается.

Важным критерием определения заимствованности следует также считать наличие глагольной основы в монгольских языках с ее фонетическими и морфологическими приметами. Например, такие хакасские слова, как *хаалха* 'ворота', *миндi* 'приветствие', *öбеке* 'предок', *хапчал* 'ущелье', 'теснина', относим к монгольским заимствованиям по следующим принципам:

1) к слову *хаалха* в монгольском языке имеется глагол *хаа-*, *хаага-* 'закрывать' и однокоренные с ним именные образования *хаалга* 'ворота', 'дверь', *хаалгач* 'швейцар', 'привратник' и др.;

2) *миндi*, диалектное *мендi*, в хакасском бытует лишь как слово-приветствие, а в монгольском *мэнд* имеет значение 'здоровье', 'благополучие', *мэндлэх* 'здороваться', 'приветствовать';

3) с корнем *öвөг* в монгольском имеется глагол *öвөгрөх* 'стареть', 'стариться', от которого образованы *öвөгчлөх* 'почитать старцев', *öвөг* 'предок', *öвөөн* 'старик', 'старец', *öвөгжөөр* 'пожилой', 'старый';

4) с корнем *хапч-* в монгольском также имеется целый ряд глагольных и именных образований: *хабчих-* 'ущемлять', 'жать', 'зажимать между чем-л.', от которого образованы слова *хабцал*, *хапчал* 'ущелье', 'теснина', *хабчгар* 'приплюснутый', 'сжатый с двух сторон' и др.

Наличие таких слов, как *кибис* 'ковёр', *талай* 'море', *сырай* 'лицо', 'лик', *арчан* 'целебный минеральный источник', *сірее* 'скамейка', 'диван', 'кресло', *арчол* 'платок' и мн. др. только в языках народов Южной Сибири, некоторых из них, и в киргизском языке и соответствующих параллелей в монгольских языках с одной стороны, и отсутствие этих слов во всех других тюркских языках, с другой стороны, дает также основание считать эти слова заимствованными из монгольских языков.

Таким образом, признак отсутствия того или иного слова во всех других тюркских языках, кроме сибирской группы, можно считать также критерием определения заимствованности.

Приведем еще несколько слов, которые можно считать заимствованными из монгольских языков на основании рассмотренных принципов.

Хакасское *параан* 'место в юрте, где ставят сундуки'. Известно это слово и в тувинском, алтайском, киргизском языках со значением 'силуэт, неясные очертания предмета'. Восходит оно к монгольскому *бараан* 'темный цвет, видимый вдали предмет, силуэт', которое, возможно, образовано от глагола *бараантах* 'темнеть', 'виднеться'.

В пареане за сундуками обычно хранилось оружие и орудия труда (коса, вилы, грабли и т. п.). В сказаниях слово *параан* || *пас параан* часто употребляется в связи с тем, что богатыри свои боевые снаряжения обычно кладут или достают из *пас параана*.

Арачаан, арачоон употребляется только в языке фольклора, притом почти всегда в сочетании со словом *ас* 'пища', 'продукты': *арачоон ас* 'вино', 'молочная водка'. Это слово, возможно, восходит к монгольскому *арза(н)* 'молочная водка двойной перегонки'. В тувинском языке слово *аржан*, обозначает также 'крепкую араку (водку) двойной перегонки'.⁸

Арчан в хакасском, видимо, также имеет значение целебной травы, целебного источника. Например;

*Сүттiг көлге олар парып,
Суунаң аның чуунчалар,
Арчанньыг тага олар парып,
Арчан чулып аластанчалар*⁹
«Добравшись до молочного озера,
Водой озера умываются,
Добравшись до горы с целебными травами,
Нарвав целебной травы, лечатся».

В современном хакасском языке с недавнего времени стало употребляться слово *аржан*, которое заимствуется из тувинского языка. *Аржан* в тувинском языке 'теплый, целебный минеральный источник'. Известно оно и в алтайском языке.¹⁰

Талай 'море'. Известно оно только в сибирских тюркских языках и в монгольском языке. В других тюркских языках этому слову соответствует *деңис* 'море'. Слово *тиңіс* также употребляется в языке эпоса только в парном сочетании *тиңіс-талай* 'большие реки', 'океан'. Есть предположение, что *талай* является китайским заимствованием. Клоуссон считает, что это слово состоит из *та* 'большой' и *луй* (средневековое название реки Санганьхэ в провинции Цзяньси, по которой тюрки совершали набег в конце VII века и впервые увидели море).¹¹ Поскольку слово *талай* известно только в алтайской группе языков, мы считаем его также монгольским заимствованием.

⁸ Здесь и дальше примеры из тувинского языка взяты из книги «Тувинско-русский словарь». М., 1968.

⁹ Түлгү хызыл Алып Хыс. — «Алыптыг нымахтар». Абакан, 1951, стр. 138.

¹⁰ Аржан I. Минеральная вода. 2. Источник. См. «Ойротско-русский словарь». Под ред. Н. А. Басканова. М., 1947.

¹¹ Д. Ж. Клоуссон. Лексикостатическая оценка алтайской теории. Журн. «Вопросы языкознания», № 5, 1965, стр. 38.

Слово *том* обозначает 'лекарство'. В современном хакасском языке оно употребляется только в парном сочетании со словом *им* 'лекарство': *им-том*; *им-том ползын* 'когда больному дают лекарство, обычно приговаривают: «Пусть будет на пользу»'. В тувинском языке *дом* (фолькл.) 'заговор от болезни', 'снадобье'; в киргизском *дом* употребляется также в парном сочетании *эм-дом* 'совокупность симпатических знахарских средств'.¹² Хакасское *том* заимствовано из монгольских языков. В монгольском *дом* 'магия', 'магическое средство', имеется глагол *домнох* 'лечить', от него образованы *домнолго* 'лечение магией' и *домч* 'знахарь', 'колдун'. В языке эпоса *том* также употребляется в парном сочетании с *им*: *им-том полды* 'лекарство пошло на пользу' или же употребляется в синтаксическом параллелизме:¹³

ими им полбысты,
*томы том полбысты.*¹⁴

Арга 'средство', 'способ'. Слово имеется в тувинском и алтайском языках. Восходит к монгольскому *арга* 'способ', 'средство', 'метод', 'возможность', 'выход (из положения)'. В монгольском от *арга* образованы: *аргалах* 'изыскивать средства', 'находить способ, выход, ухитряться, умудряться'; *аргатай* 'предприимчивый, находчивый', 'ловкий, хитрый'.¹⁵ В хакасском языке *арга* обычно встречается в языке эпоса:

Тамы чирінде сірерні
Он ікі чыл үгреткем
Алтон арга пілерге,
*Читон сүме пілерге*¹⁶
В подземном царстве я же вас
Двенадцать лет обучала
Шестьдесят приемов знать,
Семьдесят уловок предпринимать.

¹² «Киргизско-русский словарь». Сост. К. К. Юдахин. Москва, 1965.

¹³ Синтаксический или образный параллелизм—это двойственность структуры выражения мысли в фольклоре. Подр. см.: М. А. Унгвицкая, В. Е. Майногашева. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972, стр. 138.

¹⁴ Алтын Арыҥ. Сб. «Алтын Арыҥ». Абакан, 1958, стр. 39.

¹⁵ Есть другое предположение, что слово *арга* тюркского происхождения и связано оно с *арка* 'спина'. См.: Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 170—171.

¹⁶ Тошпах харахтыҥ Пора Нинчи. Алыптыҥ нымах. Газ. «Ленин чолы» от 19 апреля 1973 г.

Пайзаң известно в кызыльском и качинском диалектах. В хакасско-русском словаре оно переводится как 'прекрасный', 'сказочно-красивый', 'великолепный'. В языке эпоса же употребляется в сочетании со словом *иб* 'юрта', 'дом': *ах пайзаң иб* 'богато обставленная юрта', 'дворец' или же как имя существительное *ах пайзаң* с тем же значением. Можно предположить, что *пайзаң* восходит к монгольскому *байшин(г)* 'дом', 'здание'. Известно оно также в алтайском языке: '*байзың* 'дворец'. Нам думается, что в хакасско-русском словаре значение *пайзаң* передано неточно, следовало бы добавить еще значение 'дворец', 'богато обставленная юрта'. Слово *пайзаң* обычно употребляется в парном сочетании с *иб*, поэтому оно воспринимается как определение к слову *иб*.

Сайзаң || *чайзаң*. Известно оно в кызыльском и качинском диалектах. В языке эпоса употребляется в двух значениях: 1) 'красивый, прекрасный'; 2) *зайсан* 'феодалный чиновник', 'слуга'. Возможно, *сайзаң* в первом случае восходит к монгольскому *сайхин* 'красивый', 'прекрасный, прелестный', а во втором — к монгольскому *цайзан* 'чиновник', 'зайсан'.

Талған 'национальное кушанье, изготовленное из ячменя', 'талкан'. Как полагает Юнусалиев Б. М.,¹⁷ *талған* восходит к монгольскому глаголу *талхлах* 'толочь, превращать в порошок'. Само слово *талх(ан)* в монгольском языке обозначает 'хлеб (печеный)'; 'порошок'. Возможно, тюрки от монголов заимствовали только термин *талхан*, а самое кушанье является тюркским, национальным, ибо у монголов нет такого кушанья.

Отсутствие в тюркских языках глагола *талхы-* является свидетельством того, что слово *талған* вполне можно считать заимствованным из монгольского языка.

Есть в хакасском языке еще слово *талғы* диал. 'кожемялка', 'приспособление для выделки кож', то же самое, что *изрек*. *Талғы* восходит к монгольскому глаголу *талхих I* 'мять кожу, шкуру кожейлкой'. Поскольку в тюркских языках отсутствуют глаголы *талхи* 'мять кожу' и *талхлах* 'толочь', Юнусалиев Б. М. считает слова *талған* и *талғы* заимствованными из монгольского языка, притом сами термины однокоренными.

Кистіг. Семантика слова не ясна. Встречается только в языке эпоса:

¹⁷ Б. М. Ю н у с а л и е в. Киргизская лексикология, стр. 211—212.

*Кізі чирі кистіг полды,
Позым чирі погда ноо магаа*
'Чужбина для меня кажется горькой
Своя земля (Родина) для меня кажется красивой'.

Возможно, *кистіг* образовано от монгольского *хич* 'горчица', *-тіг*—аффикс хакасского языка, образующий имя прилагательное со значением обладания.

Погана. Употребляется в сочетании *погана хабырга* 'первое короткое ребро'. Это словосочетание по семантике точно соответствует монгольскому *богино хавирга* 'первое короткое ребро', в монгольском *богино* 'короткий', есть и однокоренные с *богино* слова. В хакасском значение слова *погана* не ясно.

Мöңи || *мöгi* (фолькл.) 'вечный', 'бесконечный', 'бессмертный'. Это слово известно в тувинском, алтайском и киргизском языках. В монгольском оно восходит к монгольскому *мöңх* 'вечный', 'вечовечный', 'бессмертный'.

В языке хакасского эпоса *мöңи* употребляется в сочетании с *суғ*: *мöңи суғ* 'живая вода, которой оживляют богатырей'. Обычно источники с «живой» водой находятся на труднодоступных скалах. Возможно, в сказаниях отражено наличие известных аржаных (минеральных) источников, которыми так изобилует Саяно-Алтайский горный район.

Ногаан 'зеленый'. Известно в тувинском и алтайском языках. Восходит к монгольскому *ногоон* 'зеленый'. В монгольском языке есть глагол *ногоорох* 'зеленеть', 'приобретать зеленый цвет', от которого образованы *ногоолох* 'впервые весной пастись скот на траве', *ногооны* 'овощной', 'зеленый', *ногоо(н)* 'зелень', 'травя', 'овощи' и т. д. В языке эпоса употребляется очень редко. В основном здесь используется слово *көк*. Видимо, слово *ногаан* заимствовано в более позднее время.

Килегей 'заика', 'косноязычный'. Известно в алтайском и киргизском языках. Восходит к монгольскому глаголу *хэлэх* 'говорить', 'рассказывать'. В монгольском от *хэлэ* образованы: *хэлгий* *хэлэлцэх* 'разговаривать', 'обсуждать'; *хэл(эн)* 'язык', 'речь', *хэлэлцээ(н)* 'переговоры', 'соглашение', 'договоренность', *хэлэмгий* 'бойкий на язык', *хэлгий* 'безъязычный, косноязычный, немой' *хэл* 'язык', *-гий*—аффикс отрицания).

Как видно из вышеприведенных примеров, монгольские заимствования в хакасском языке под влиянием фонетических законов хакасского языка подверглись небольшому фонетическому и морфологическому изменению, а в некоторых случаях изменились и семантические значения монголизмов. Так, монгольское слово *гоо*—

май 'недостаточно крепкий', 'ненадежный' в хакасском языке приобрело несколько иной оттенок в семантике: *хомай* 'плохой', 'нехороший'; в монгольском *бараан* обозначает 'цвет', 'темный цвет', 'силует вдаль виднеющегося предмета', а в хакасском *парааном* называли затемненные места в юрте, затем и отделы в юрте, где стояли *сірее* (приспособление из досок для сидения, вроде дивана), сундуки, кровать, полки для посуды также стали называться *парааном*; *марғаа(н)* в монгольском языке обозначает 'спорт', а в хакасском — *марыҕ* 'состязание', 'соревнование'.

В употреблении слов монгольского происхождения имеются некоторые расхождения в диалектах. Так, в сагайском и шорском диалектах, соответственно и в сказаниях, меньше монгольских заимствований. Напротив, кызыльско-качинские сказания в большей степени насыщены монголизмами. Такие слова, как *минді* 'приветствие', *сірее* 'скамейка', 'диван', *ноҕаан* 'зеленый', *маҕыс* 'лицо', 'лик', *пайзаң* 'дворец', 'юрта', *арчол* 'платок', 'салфетка', 'полотенце', *обеке* 'предок' и др. употребляются только в качинско-кызыльских сказаниях, наоборот, слова *харчых* 'клевш' *миндір* || *мүндүр* 'град', *сахсарға* 'мерлушка' встречаются преимущественно в сагайском диалекте.

Иногда монголизмы употребляются как синонимы исконных хакасских слов: *изен-минді*, *пайзаң иб*, *албаты чон*, *арга-мөрий*, *арчол плат* и др. Постепенно, видимо, у некоторой части парных сочетаний первая часть начала восприниматься как определение ко второму слову, например, в таких сочетаниях, как: *абахай хыс* 'красивая девушка', букв. 'барышня-девушка', *пайзаң иб* 'богато обставленная юрта', букв. 'дворец-юрта', *албаты чон* 'подданный подвластный народ', букв. 'подданный-народ', *арчол плат* 'платок' (*арчол* также обозначает 'платок', 'салфетку').

Что касается морфологического состава заимствованных слов, то большая часть вошла в словарный состав хакасского языка с теми же аффиксами, что и в монгольских языках. Другая же часть, подчиняясь фонетическим законам хакасского языка, подверглась изменениям, например:

монг. **-ған(а)** || **-гэн(э)**, в хакасском **-ған** || **-ген**: *хараған* 'кустарник', диал. *харғана* < монг.: *харғана*; *хак.*: *палтырған* 'борщевник' < монг.: *балчырғана*; *хак.*: *тарбаған* 'сурок' < монг.: *тарвага(н)*. Этот аффикс для тюркских языков нетипичен;

-дырға (-дырых): *хак.*: *сағалдырых* < монг.: *сағалдраға*;

-ға || **-ха**: *хак.*: *хаалха* 'ворота' < монг. *хаалға*, *хағалға*, *хак.*: *сахсарға* 'мерлушка' < монг. *сегсүрге*, *хак.*: *табылға* 'таволга' < монг. *табилға*;

-чы: *арғамчы* 'веревка' < монг. *арғамчы*; наряду с аффиксом

-чи в монгольском языке есть аффикс -ч(ин) с тюркской параллелью -чы, который образует существительное со значением рода занятий и профессии человека. Этот аффикс в хакасском языке является очень продуктивным, но в языке сказаний всего несколько слов с аффиксом -чы: *илчи* 'посланник', *аалчы* 'гость', *хондончы* 'слуга', *ипчи* 'женщина', *сүмекчи* 'служанка', *хулгусчы* 'рабыня', *Албынчы* — собст. имя, образованное от *албан* 'налог';

-ан || -ен: *хак.*: *параан* 'затемненные места в юрте' < *монг.*: *ба-раан*, *хак.*: *уян* 'слабый', 'немошный', 'хилый' < *монг.*: *уйан* < *уйада* 'стать хилым, слабым', *хак.*: *ногаан* 'зеленый' < *монг.*: *ногаан* < *ногоорох* 'зеленеть, приобретать зеленый цвет', *күргеен* 'курган' < *монг.*: *хүрээн*;

-чин (шин): *хак.*: *көкчин* 'старушка' (в сказаниях выступает компонентом собственных имен: *Иней Көкчин*) < *монг.*: *хөхшин*. В монгольском языке при помощи аффикса -ж(ин) || -ш(ин) образуется существительное со значением возраста, пола (животных);

-гай || -гей: *хак.*: *худагай* 'сватья', 'сваха' < *монг.*: *худ* 'сват' 'кум', *хак.*: *тилекей* 'мир', 'вселенная' < *монг.*: *дэлхэй*.

В монгольском языке имеется и другой весьма продуктивный аффикс -гай, образующий прилагательное со значением качества, свойства предмета, например: *солагай* 'левый', 'левша'.

Некоторые корни монгольского происхождения при заимствовании приобрели вместо монгольских — аффиксы, присущие хакасскому языку: *монг.*: *сүрекей* 'величественный', 'ужасный', 'страшный', 'ужасно', 'страшно', 'весьма', 'очень' в хакасском — *сүрееліг* 'весьма', 'очень', 'страшно', *монг.*: *тайылга* 'жертвоприношение', в *хак.* — *тайыг*, *монг.*: *бүрий* 'сумерки' от *бүрх* 'покрываться', 'заволакиваться', в *хак.* — *пүрүңкү*, *монг.*: *марғу* 'спорить', в *хак.* — *марғыс* 'состязаться', *монг.*: *маргаа(н)* 'спор', в *хак.* — *марыг* 'состязание', в *кыз. диал.*: *маргаа*.

Часть монголизмов в хакасском языке утратила свои монгольские аффиксы: *монг.*: *сүнесүн* 'душа', в *хак.*: *сүне*, другая же часть подобно алтайскому, так же, как и в современном монгольском языке, приобретает конечный согласный *н*, хотя в старописьменном монгольском¹⁸ его нет: старописьм. *монг.*: *хаг* 'перхоть', в *хак.*: *хагдан*, старописьм. *монг.*: *араца* || *араза* 'молочная водка', в *хак.*: *арачаан*, старописьм. *монг.*: *юре* 'семья', в *хак.*: *үрен*.

Что касается фонетической стороны монгольских заимствований, согласнo специфическим законам хакасского языка произошли следующие изменения.

¹⁸ В. И. Рассадин. Монгольские заимствования в алтайском языке. Ж. «Советская тюркология», № 1, 1973, стр. 68.

Поскольку хакасский язык является языком с глухим началом, монголизмы в хакасском языке, естественно, подверглись оглушению: монг.: *бараан*, в хак.: *параан*; монг.: *гол*, в хак.: *хол*; монг.: *дом*, в хак.: *том*; монг.: *далай*, в хак.: *талай* и др.

У некоторых слов монгольского происхождения в хакасском языке начальному *б* соответствует *м*: монг.: *балчиргана* 'борщевник', в хак.: *м(п)алтырган*; монг.: *бөхе* 'силач', в хак.: *мёке*; монг.: *баатар* 'богатырь', в хак.: *матыр*; монг.: *бээлий* 'рукавица', в хак.: *мелей*; монг.: *болчоон* 'условие', 'договор', 'срок', в хак.: *молчаг*.

Монгольские слова, оканчивающиеся на *г*, *г*, в хакасском передаются глухими согласными: монг.: *эмнээг*, в хак.: *имнiк* 'необъезженный, необученный' (о лошади); монг.: *хөндөк* 'ведро', в хак.: *көнек*; монг.: *табаг* 'блюдо', 'тарелка'; в хак.: *табах*; монг.: *аймаг* 'аймак', в хак.: *аймах*.

В усвоении гласных монгольских слов в хакасском языке изменения незначительны. Гармония гласных соблюдается строго: монг.: *сүрекей*, в хак.: *сүреелiг*; монг.: *делүүн*, в хак.: *төлөөн* (сагайское *тилеен*).

Что касается долгих гласных в заимствованиях, то в хакасском языке так же, как и в монгольском, идет процесс выпадения интервокальных звуков *г* и *г*¹⁹: монг.: *обоо(н)* 'куча', 'груда камней', в хак.: *обаа*; монг.: *ширээ(н)* 'кресло', 'диван', в хак.: *сiрее*. Однако, с другой стороны, в письменном монгольском языке интервокальные *г* и *г* строго сохранялись, а в хакасском *г* и *г* выпали: хакасское *кiрее* 'ножовка' < монг.: *кiрiгее*; хак.: *пыро* 'вина' < монг.: *буругу*; хак. (сагайское): *халцаа* 'сердитый', 'злой', 'бешеный', 'грубый' < монг.: *халцагу*; хак.: *хаалха* 'ворота' < монг.: *хагалга*.

Монгольский широкий гласный *а* переходит в некоторых случаях в узкий неогубленный *ы*: хак.: *амыр* 'спокойный' < монг.: *амар*; хак.: *сырай* 'лицо', 'физиономия' < монг.: *царай*; хак.: *матыр* 'богатырь' < монг.: *баатар*; хак.: *абдыра* 'шкатулка' < монг.: *абдара*; хак.: *чыргал* < монг.: *жаргал*; хак.: *(ч)сазын* 'бумага' < монг.: *цаас(ан)*.

Монгольский узкий огубленный долгий гласный *у*, *ү* в хакасском языке переходит в широкий огубленный *о*, *ö*: монг.: *алчуур* 'салфетка', 'платок', в хак.: *арчоол*; монг.: *билүү* 'брусок', в хак.: *пiлөө* (сагайское *пiлее*); монг.: *буругу* 'вина', в хак.: *пыроо*; монг.: *делүүн* 'селезенка', в хак.: *төлөөн* (сагайское *тилеен*).

¹⁹ Ц. Д. Номинханов. Интервокальное положение звуков «Г» и «Г» в хакасском языке. — «Вопросы хакасского языка и литературы». Абакан, 1955, стр. 55—64.

Монгольский гласный *и*, подобно алтайскому, в некоторых случаях в хакасском переходит в *ы*: монг.: *чида* 'пика', 'копье', в хак.: *чыда*; монг.: *салхин* 'ветер', в хак.: *салгын* 'слабый ветерок'; монг.: *хужир* 'солончак', в хак.: *хуҷыр*, *хуҷур*; монг.: *байшин(г)* 'дом', 'дворец', в хак.: *пайзаң*, *пайзың*.

Монгольский гласный *э* в хакасском переходит в гласный *и*²⁰ монг.: *мех* 'хитрость', 'обман', в хак.: *мике*; монг.: *менд* 'здоровье', 'здоровый', в хак.: *минди*; монг.: *цэцэг* 'цветок', в хак.: *чичек*; монг.: *эмнээг* 'необъезженный, необученный' (о лошади), в хак.: *имник* и др.

В односложных монгольских словах, оканчивающихся на согласные, в хакасском языке прибавляются гласные *-а* || *-а(н)*, *-е*: монг.: *цол* 'прозвище', 'имя', в хак.: *сола*; монг.: *эрх* 'избалованный, капризный', в хак.: *ирке* 'баловень'; монг.: *саб* 'вместилище', 'сосуд', в хак.: *сабан*; монг.: *худ* 'сват', 'кум', в хак.: *худа* 'сватовство'; монг.: *бõх* 'борец', 'силач', в хак.: *мõке*; мõнг.: *бух* 'бык-производитель'; в хак.: *пуға*.

Анализ лексики хакасского героического эпоса показывает, что язык фольклора в большей степени насыщен монгольскими заимствованиями, чем современный хакасский язык. И в то же время монголизмы в языке эпоса в продолжение столь длительного времени почти не теряли свою лексическую значимость, лишь некоторые из них приобрели новые оттенки значений и подверглись небольшому фонетическому и морфологическому изменению.

Приводим небольшой перечень слов из хакасских сказаний в сопоставлении с монгольскими:

Монгольские		Хакасские	
<i>алба(н)</i>	служба, налог, дань, подать	<i>албан</i>	налог, дань, подать
<i>албат</i>	подданный	<i>албат</i> , <i>албаты</i>	подданный,
<i>аймах</i>	аймак (администр. един.)	<i>аймах</i>	аймак
<i>баатар</i>	богатырь, герой, витязь	<i>матыр</i>	(Тасха Матыр) компонент собств. имени
<i>улус</i>	народ, государство, династия	<i>улус</i>	народ

²⁰ Передвижение *е* в *и* — характерная черта хакасского языка. И, как предполагает Ф. Г. Исхаков, это результат собственного фонетического развития самого хакасского языка на основе внутренних законов его развития. Проф. Н. К. Дмитриев, Ф. Г. Исхаков. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов, Абакан, 1954, стр. 89.

цайзан чиновник, зайсан

Мангас мангус, сказочное чудовище

бөх борец, силач

оргоо, ордоо(н) юрта, дворец

далай море, океан

обоо(н) куча, груда камней

шивээ(н) изгородь, частокол, военное укрытие, укрепление

багана столб, колонна, подпорка

бараан темный цвет

ширээ(н) стол трон

хивис ковер

хилэн бархат, плис

хаалга(н) ворота, дверь

соруул мундштук

хаңза курительная трубка

мөрий ставка, заклад, пари

дом магия, магическое средство, знахарство

мэх хитрость, обман, уловка; прием (борьбы)

мэнд здоровье

арга способ, средство, метод, выход из положения

аян путешествие, караван; поход, дальняя дорога

торго(н) шелк

делүү(н) селезенка

мэндэр град

сайзаң, чайзаң 1. зайсан; 2. красивый

моос (Хара Моос) компонент собств. имени отрицательных героев

мөке (Чис Мөке, Алып Мөке) компонент собств. имен

örge öрде юрта, дворец

талай большая река, море

обаа курганный камень, груда камней

сібее крепость, военное укрепление

махан/;пахан столб, подпорка в юрте

параан (нас параан) темные места в юрте

сірее скамейка, место для сидения

кибіс ковер

кілің (Кілің Арығ) компонент собств. имен

хаалха ворота

сороол мундштук

хаңза курительная трубка

мөрій состязание богатырей

том (им-том) лекарство

мике обман, хитрость, надувательство

минді (изен-минді) приветствие

арга способ, средство, выход из положения

аян путешествие, дальний путь

торғы шелк (Кілің Торғы — компонент собств. имени)

төлөөн || тилеен селезенка

миндір (тас миндір) град

<i>хужир</i>	солончак	<i>хучур</i>	солончак
<i>оббогö</i>	предок	<i>öбеке</i>	предок
<i>хөгшин</i>	старый, престаре- лый, старушка	<i>көкчін</i>	(Иней Көкчін) компо- нент собств. имени
<i>аршаа(н)</i>	аржан, целебный	<i>арчан</i>	старухи
	минеральный источник		целебный источник,
<i>арза(н)</i>	молочная водка	<i>арачаан</i> <i>арачоон</i>	целебная трава
			молочная
<i>хэрэм</i>	крепость, крепост- ная стена	<i>кирім</i> (кирім сын)	водка
<i>харчиг</i>	коробка, ящик		отвесный
<i>хий</i>	воздух	<i>хаарчах</i> <i>харачах</i>	хребет
<i>хаг</i>	перхоть; тонкий	<i>кии</i>	ящик
	слой чего-л. на поверхности	<i>хагдан</i>	воздух
<i>хашаа(н)</i>	двор; забор, изго- родь		перхоть
<i>харгана</i>	карагана	<i>хазаа</i>	скотный двор
<i>талха(н)</i>	хлеб (печеный), порошок	<i>харгана</i> <i>хараган</i>	кустарник
<i>хурэл</i>	бронза	<i>талган</i>	талкан, толокно
<i>байшин(г)</i>	дом, здание	<i>күйлер</i> (күйлер хазаан)	(бронзо- вый) котел
<i>солгой</i>	левый (о руке)	<i>пайзаң</i>	юрта, дворец
<i>хэлгий</i>	немой, косноязыч- ный	<i>солагай</i>	левша
<i>гаруда</i>	волшебное птице- образное существо	<i>килегей</i>	зайка
<i>там</i>	ад, преисподняя	<i>кире</i> <i>киреде</i> (Хан <i>кире</i> Хан <i>киреде хус</i>)	сказочная птица
<i>шүр(эн)</i>	коралл	<i>там</i> (<i>тамы чир</i>)	потусторонний мир
<i>цол</i>	кличка, прозвище	<i>сур</i>	бусы; коралл
<i>гэсэр</i> (бур.-монг.)	рыцарь, ви- тиазь	<i>сола</i>	прозвище
		<i>кизер</i>	(читі кизер, тогыс
		<i>кизер)</i>	рыцарь, герой, бо- гатырь
<i>царай</i>	лицо, физиономия, лик, облик	<i>сырай</i>	лицо, облик
<i>уур</i>	пар, испарение	<i>оор</i>	пар
<i>заяа(н)</i>	судьба, рок	<i>чаян</i>	создатель, творец
<i>авхай</i>	барышня, красивый	<i>абахай</i>	красивый; жена, супруга
<i>хич</i>	горчица	<i>кистіг</i>	горький

<i>богино</i>	короткий	<i>поғана</i> (<i>поғана хабырға</i>)	пер- вое короткое ребро
<i>эмнээг</i>	необъезженный, не- обученный (о лошади)	<i>имнік</i>	дикий, необъезжен- ный
<i>атархаг</i>	завистливый	<i>атархах</i>	завистливый
<i>мөңх</i>	вечный, вековечный, бессмертный	<i>мөгі//мөңі</i>	вечный, живой
<i>ноғоон</i>	зеленый	<i>ноғаан</i>	зеленый
<i>хайран</i>	жалкий	<i>хайран</i>	бедный, несчастный
<i>орой</i>	поздно	<i>орай</i>	поздно
<i>бутрах-</i>	рассыпаться	<i>пытра-</i>	рассыпаться
<i>хахсах-</i>	рассыхаться	<i>хахса-</i>	рассыхаться
<i>мунхарах-</i>	поглупеть, поста- реть	<i>муну-</i>	стареть, дряхлеть.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

О. В. СУБРАКОВА

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ЯЗЫКЕ ХАКАССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Всякое слово в том или ином языке отражает внутреннее единство лексического и грамматического значений. Являясь наименованием предметов и явлений действительности, слово, с другой стороны, выражает грамматические значения предметности, процессуальности, атрибутивности и т. д., которые в зависимости от лингвистической природы языка могут выражаться на морфологическом и синтаксическом уровнях.¹

Таким образом, когда дается характеристика той или иной грамматической категории слов наряду со смысловой стороной необходимо учитывать и морфологические признаки, и синтаксические функции слов. Особенно важна роль синтаксической функции в том случае, когда морфологические и лексико-семантические критерии определения той или иной части речи оказываются недостаточными.

В данной статье синтаксические функции имени прилагательного в хакасском языке рассматриваются на материале героического эпоса.

Прилагательное в языке эпоса широко употребляется и является одним из важнейших средств языка, при помощи которого характеризуется богатство и многообразие предметов внешнего мира и их признаков: средство при помощи которого, с одной стороны, можно типизировать, обобщать, указывать идеальные, общие признаки, а с другой—индивидуализировать, выделять тончайшие отличия, фиксировать временные признаки.²

¹ В. С. Бибикова. Образование и употребление имен прилагательных в кетском языке. Автореф. кандидат. диссертации. Томск, 1971, стр. 9.

² А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв., М.—Л., 1963, стр. 301.

Имя прилагательное в языке хакасского эпоса, как и в литературном языке, выступает в трех синтаксических функциях: атрибутивной (определятельной), предикативной и адвербиальной.

Атрибутивная функция имен прилагательных

Основная функция прилагательного в предложении быть определением к существительному, примыкая к нему. Известно, что в тюркских языках примыкание является главным и основным грамматическим признаком прилагательного. Имя прилагательное, употребленное в качестве определения, стоит, как правило, перед определяемым словом в морфологически неоформленном виде: *ах тасхыл* 'белый тасхыл', *ах тасхылзар айландыра тартхан адын* 'к белому тасхылу повернул коня', *хара чир* 'черная земля', *хара чирге кире түс парған* 'под (черную) землю ушел'.

В языке эпоса семантико-синтаксическая функция прилагательного-определения гораздо шире и разнообразнее, чем в разговорном языке—начиная от индивидуального поэтического определения, где прилагательное вместе с определяемым словом образует свободное синтаксическое определение (*арыг сіліг Алтын Арыг*, *ачырғастыг ах чазылар*, *адазынын аарлыг чирі, ічезінің истіг чирі*), до таких сочетаний, которые, соединяясь с существительным, образуют неразрывное, устойчивое сочетание (*ах брге*, *ах тасхыл*, *Ханныг Хылыс*, *Хара Нинчі*).³

Прилагательное-определение в зависимости от лексического значения может обозначать:

а) цвета предметов, а также масти животных: *Хара пора аттыг Хан Хартыға...* 'Хан Хартыга на темно-сером коне';

б) физические свойства людей и животных: *Көгін Арыг көр турза, күйстіг алып төріптір*. (А. Ч.) 'Кюгин Арыг предугадала—

³ Для эпоса характерны устойчивые, традиционные прилагательные-определения, так называемые эпитеты, как *ах талай*, *ах брге*, ибо в фольклоре наименование цвета *ах* 'белый', *хара* 'черный', *хызыл* 'красный' и т. д. обозначает не столько цвет, сколько какой-то постоянный признак. Например, цвет *ах* 'белый' — это постоянный признак светлого, возвышенного, положительного: *ах талай* (море в местах обитания положительных героев), *Ах Хан* (собственное имя положительного героя). Наоборот, если речь идет об отрицательных героях (подземных существах), явлениях, все рисуется темной раскраской *хара* 'черный'. *Хара Хан* (обычное имя отрицательного героя), *Хара сын* (хребет в местах обитания врагов), *хара талай* (черное море, имеющее отношение также к действиям врагов). По этим признакам нарекаются в эпосе имена богатырей, географические названия (*ах сын*, *хара сын* и т. д., обозначаются масти животных (*ах ой ат* 'бело-буланный конь', *ах сабдар ат* 'сиво-игрневый конь', *хан поэрах ат* 'кроваво-рыжий конь' — это кони положительных, героев, а *хара ат* 'вороной конь', *хара көк ат* — 'кони отрицательных героев').

родился богатырь недюжинной силы'; *аран чула ах сабдар ат ...* (Ай М.) 'с богатырской силой сиво-игрневый конь';

в) свойства и качества вещей, осязаемые органами чувств: *хатыҕ сөйгү хал парир* (Х. М.) 'одни лишь кости остаются';

г) внутреннюю характеристику людей и предметов: *Чабал сагыстыҕ Көгүн Арыҕны чиг тибин, читсем чирбін* (А. Ч.) 'Злую Кюгин Арыг, если нагоню, живьем проглочу';

д) качества характера и умственного склада: *Изэбэ чоһ Алып Хыс Хан оңнап-сынап одырыбысхан* (Айд.) 'Непревзойденная Алып Хыс Хан испытывать-проверять начала';

е) качества предметов, связанные с пространством и временем: *Аархы сарин көрөр полза, ах талай сиилип ах партыр* (А. Ч.) 'Посмотрел на ту сторону, а там белое море разливается';

ж) признаки предметов, являющиеся одновременно указанием на отношение одного предмета к другому: *чирлиг кизи чирине таразын, суғлығ кизи сууна таразын* (Айд.) 'Имеющие свои земли пусть расходятся по своим землям, имеющие свои реки пусть расходятся по своим рекам'.

Предикативная функция имен прилагательных

Имя прилагательное часто выступает в функции именного сказуемого, которое обычно стоит в конце предложения. Если подлежащее выражено местоимениями первого и второго лиц, то сказуемое-прилагательное согласуется с ним в лице и числе с помощью аффиксов сказуемости. В предикативной функции могут выступать имена прилагательные как производные, так и непроизводные.

*Ат көдірбес Алтын Арыҕ чаңалыҕбын,
Тоғыс частыҕ Алып Хан Хыс іцелігбін* (Айд.)

'Имею я тетю Алтын Арыг, которую не может поднять конь,
Имею я девятилетнюю Алып Хан Хыс мать';

*Хазырадаң хаңмахсың,
Пуға малдаң мухахсың...* (Алб.)

'Телки ты рассеяннее,
Быка ты глупее...';

*Көр турған ікі харағы арба улиндағ,
Чіп чоңы харыхтығ, сазырах чалбах тістіг* (Айд.)

'Два его глаза с ячменное зерно величиной,
С переносицей точно нитки, широкими, редкими зубами'.

Имя прилагательное в предикативной функции может также выступать в составе именного сказуемого в сочетании с глаголом пол- 'быть' в качестве связки:

Ах Хан адалыҭ полҕам,
Аязын Арыҭ іцеліҭ полҕам (Алт. Т.)
'Отец мой Ах Хан был
Мать моя Аязын Арыҭ была'.

Адвербиальное употребление имен прилагательных

В хакасском языке качественные прилагательные обозначают не только признак предмета, но могут указывать на признак действия. Например, *чөптiҭ олҕаннар* 'дружные ребята' и *чөптiҭ тоҕынарҕа* 'дружно работать'. Прилагательные, указывающие на признак действия, в предложении могут выступать в функции обстоятельственных членов, преимущественно обстоятельства образа действия, например:

Табырах парзар, парзар,
Табырах парбазар, паспассар (Ай М.)
'Быстро пойдете, застанете,
Не пойдете быстро, не застанете'.
Изiргестiҭ инелiбiскен,
Пузурҕастыҭ пузурҕаныбысхан (Айд.)
'Мучительно застонал,
Тягостно запечалился'.

В последнем примере обстоятельствами образа действия являются производные прилагательные *изiргестiҭ* 'мучительный', *пузурҕастыҭ* 'тягостный'.

Субстантивированные прилагательные могут выступать в функции подлежащего и дополнения.

Ыраххаа истiлдi Күйн Төңіс,
Ыраххылар истiп хорыхты,
Чағынҕаа сабылды Күйн Төңіс,
Чағынғылар көрiп хорыхты (Күйн Т.)
'В дальние края дошла молва о Кюн Тюнис,
Дальние жители, услышав, страшатся его.
В ближние края дошла молва о Кюн Тюнис,
Ближние, увидев, страшатся его'.
Тостағызы тоозылчадыр,
Тойҕа килгенi таранчадыр (Алт. Т.)
'То, что было на бересте (чаше) кончается,
Те, которые пришли на свадьбу, расходятся'.

В первом примере подлежащими являются прилагательные *ыраххылар* и *чағынғылар*, субстантивированные аффиксами множественного числа (лар), а во втором — прилагательное *тостағызы*, субстантивированное аффиксом притяжательной формы (-зы).

В языке фольклора в функции подлежащего выступают также сочетания существительного и прилагательного (в большей части прилагательного *чахсы* 'хороший', 'добрый'). Подобные сочетания традиционны и свойственны языку поэтической речи. В языке эпоса, можно сказать, являются одним из средств художественного изображения. Но такие сочетания употребляются и в других жанрах фольклора: в песнях и тапхах.

В этих сочетаниях «существительное + прилагательное» семантическую нагрузку больше несет прилагательное, что привело к нарушению обычного порядка слов и превращению свободных словосочетаний в устойчивые: *хыс чахсы* 'красна дева', 'девица-красавица (букв. девушка хорошая)', *абахай чахсы* 'прекрасная женщина (женщина хорошая)', *ир чахсы, кўлўк чахсы, алып чахсы* 'добрый молодец (букв. ир чахсы 'мужчина хороший', *кўлўк чахсы*, 'удалец хороший', *алып чахсы* 'богатырь хороший'), *ил чахсы, чон чахсы* 'народ славный (букв. народ хороший)', *ат чахсы* 'конь добрый', 'удалой (букв. конь хороший)'.

Примеры во фразах:

*Толгалып аххан сугларны
Кõп кизип парир алып чахсы,
Тоғыр турған тағларны
Кõп азып парир кўлўк чахсы* (Айд.)

'Извилистых рек много
Переходит добрый молодец,
Поперечных гор много
Переваливает богатырь удалой'.

В этих сочетаниях «существительное + прилагательное», выступающее в функции подлежащего, вместо имени существительного может выступать и имя числительное: *ікі чахсы* 'два молодца (букв. два хороших)', *ўс чахсы* 'три молодца (букв. три хороших)', *ікі аран чула* 'два удалых коня'.

*Хуон чили хуйбырызып одырадырлар ікі аран чула
'Как вихрь несутся эти два удалых коня'.
Кõк сын аза тўзібіскеннер ікі чахсы* (А. А.)
'Много гор перевалили эти два добрых молодца'.

Подобные сочетания «существительное + прилагательное» в функции подлежащего могут выступать в форме принадлежности и во множественном числе:

*Анаң хылчаңнап көрібіссе,
Хайдар-хайдар ир чахсызы чатчадыр* (Айд.)

‘Когда он, оглянувшись, посмотрел,
Лежит лучший из героев (мужей)’.

*Абахайның чахсызы,
Аях-хамысха айланып,
Күзүр-хазыр тјс парир* (Айд.)

‘Лучшая из прекрасных женщин,
Повернувшись к посуде,
Греметь начала’.

*Хайзы-хайзы чирге,
Ноо суға сабыл килидірлер
Ат чахсылар* (Айд.)

‘В какую-то неведомую страну,
К какой-то неизвестной реке
Приближаются кони добрые’.

Прилагательные, подвергшиеся субстантивации, принимают падежные аффиксы и в предложении выступают в функции дополнения, как прямого, так и косвенного, например: *игірлеріне ит толча, пјгүрлеріне мјн толча* (Алт. Т.) ‘кривые места наполняются мясом, изогнутые места наполняются бульоном’; *иңніліге пастырба, иргектіге сиртетпе* (Х. М.) ‘плечистому не поддавайся, сильному не позволяй дать тебе щелчок’;

Өстігдең өсті сјрізіп,... (Алт. Т)

‘Кто причинял месть (зло), тому мстить приехал....’

*Ыраххыны чағын идіп,
Чағынғыны ырах идіп,
Чөптіг-иптіг чоохтасчалар* (Алт. Т.)

‘Далекое приблизив,
Близкое отдалив,
Разговаривают в мире и согласии’.

В функции дополнения выступают также устойчивые словосочетания «существительное + прилагательное»:

Чага марха хазанарчых —
Чарас чахсыны хайда пилдеер,
Холтых марха хазанарчых —
Хоос чахсыны хайда кордеер (А. А.)
Пуговицу бы пришить к воротнику
Где вы слышали о подходящей девушке,
Пуговицу бы пришить к платью
Где вы видели красавицу-девушку.

В данных примерах словосочетания *чарас чахсыны* и *хоос чахсыны* стоят в винительном падеже и выступают в функции дополнения.

Поскольку, как мы видели, имена прилагательные могут легко субстантивироваться, принимая функции существительного, а также существительные в определенных случаях в словосочетаниях в предложении могут определять имена существительные, то зачастую в тюркских языках трудно бывает разграничить имена прилагательные от имен существительных и наречий. Поэтому некоторые авторы, рассматривая эти части речи в одном разделе, считают имена прилагательные окончательно недифференцированной частью речи.⁴ Действительно, в таких сочетаниях, как *торгы когенек* 'шелковое платье', *ирги когенек* 'старое платье' и *табырах кил* 'иди быстрее' по одному только синтаксическому признаку провести границу между прилагательным и существительным, с одной стороны, и прилагательным и наречием — с другой, трудно, потому что во всех трех типах сочетаний с определяемыми используется один и тот же способ связи — примыкание. Вопрос может быть выяснен только при учете семантических, морфологических и синтаксических признаков, включая преимущественное употребление конкретного слова в основных синтаксических функциях.

Эта путаница в определении частей речи, введенная также авторами школьных грамматик хакасского языка в учебники,⁵ возникла, как справедливо заметил М. Ш. Ширалиев, вследствие

⁴ Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 83—104; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 81; Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан, 1948, стр. 139.

⁵ Н. Г. Доможаков, Л. Г. Чанкова. Хакас тілінің учебнигі. 1 чардых. Абакан, 1965.

неправильного толкования термина «синтаксическая функция».⁶ На этом основании в хакасских учебниках в таких сочетаниях типа *аґас тура* 'деревянный дом' и *кӱґлӱг ырабысхан* 'весело запел', когда *аґас* — имя существительное — выполняет функцию определения, считают прилагательным, а *кӱґлӱг* — имя прилагательное, выступающее в функции обстоятельства — наречием.

Чтобы разобраться в этом вопросе, рассмотрим существующие различия между прилагательными и существительными, с одной стороны, а также между прилагательными и наречиями — с другой. Имя прилагательное отличается от имени существительного своим лексическим значением, а также тем, что оно не имеет тех грамматических категорий, которые присущи имени существительному (числа, падежа, принадлежности). Если же имя прилагательное приобретает свойства, присущие существительному, то тогда оно, как мы видели, субстантивизируется: *ах* 'белый', *ах-тар* 'белые (белогвардейцы)'; *хызыл* 'красный', *хызыллар* 'красные (красногвардейцы)'.

С другой стороны, в таких сочетаниях типа *алтын чӱстӱк* 'золотой перстень', *сіліг чӱстӱк* 'красивый перстень', *алтын* 'золото' показывает, из чего сделан предмет, а в сочетании *сіліг чӱстӱк* — *сіліг* 'красивый' показывает признак предмета, в определенных случаях — и степень усиления качества: *уґаа сіліг чӱстӱк* 'очень красивый перстень', ослабление — *сіліг арах чӱстӱк* 'красивенький перстень' и т. п.

Вообще имена существительные вещественные могут характеризовать только предмет в отличие от некоторых прилагательных, которые могут характеризовать и предмет и действие, выступая в предложении в синтаксической функции обстоятельства образа действия: *Чахсы ӱґренчі чахсы ӱґренче* 'Прилежный ученик хорошо учится'.

Как известно, прилагательному в тюркских языках присуще:

а) быть определением к существительному и глаголу, примыкая к ним; б) быть сказуемым (т. е. присвязочным членом именного сказуемого); в) части прилагательных (качественных) свойственно выражать определенным способом степени ослабления и усиления качества.⁷

Таким образом, прилагательное отличается от существительного своей неизменяемостью и примыканием к существительному

⁶ М. Ш. Ширалиев. О синтаксической функции частей речи. Сб. «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 176.

⁷ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 182—183.

и глаголу, что и является его основным грамматическим признаком как части речи.⁸

Существительному же, в отличие от прилагательного, свойственно:

а) быть любым членом предложения (прилагательное только в случае субстантивации); б) быть в изафетном сочетании с другим существительным; в) управляться глаголами или другими словами глагольного происхождения, склоняясь по падежам; г) определяться прилагательными и причастиями и другими частями речи; д) принимать аффикс множественного числа; е) оформляться аффиксом принадлежности; ж) принимать в определенных случаях уменьшительные и ласкательные формы.

Так, существительное, как часть речи, в основном связано с грамматическими категориями числа, падежа и принадлежности.

✓ Наречие, в отличие от прилагательных, неизменяемая часть речи, обозначающая признак действия, качества или предмета. Для прилагательных также характерна неизменяемость, если они примыкают к именам, но если они употребляются самостоятельно, как мы видели, они могут легко субстантивироваться и изменяться по падежам, числам и принимать аффиксы принадлежности. А наречие всегда неизменяемо. Имя прилагательное, выступающее в предложении в качестве характеристики предмета—приименное определение (*чахсы йгренци* 'хороший, прилежный ученик'), а действия, состояния—обстоятельство (*чахсы йгренче* 'хорошо учится') не становится тем самым наречием, а остается прилагательным.⁹

Таким образом, части речи, целостные в лексико-грамматическом отношении, под действием одной только синтаксической функции «не могут превратиться в другую часть речи».¹⁰ Чтобы устранить эту путаницу, следует запомнить, что слова *алтын* 'золото' и *чахсы* 'хороший' в лексико-грамматическом смысле всюду продолжают оставаться той же частью речи: *алтын*—существительным, *чахсы*—прилагательным, и только в предложении *алтын* в сочетании с существительным выступает в функции определения, *чахсы* в сочетании с глаголом—в функции обстоятельства.

⁸ Вопросу лексико-грамматической дифференциации прилагательных посвящен специальный раздел в кандидатской диссертации Г. Ф. Бабушкина «Вопросы прилагательных в хакасском языке», см.: Автореферат, 1953, стр. 11—15.

⁹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 274.

¹⁰ М. Ш. Ширалиев. Указ. соч., стр. 177.

В языке эпоса, подобно современному хакасскому языку, имеется группа слов, которая, возможно, образовалась, как заметил Ф. Г. Исхаков, в результате «расширения и расщепления значения одного и того же слова». К такому типу слов-омонимов относится довольно большая группа слов, употребляемая в речи, с одной стороны, для обозначения присущих предмету и действию качеств, с другой — для обозначения этих качеств как предметов,¹¹ например: *Чарых Тана* 'Светлая Жемчужина' — собств. имя, *чарых* 'свет'; *ағын суғ* 'проточная река' *ағын* 'течение'; *соох кўн* 'холодный день' *соох саапча* 'холод наступает'; *ізіг кўн* 'жаркий день', *ізіг тўсче* 'жара наступает'; *чылығ саапча* 'тепло идет', *чылығ кўн* 'теплый день'.

В этом случае, лексическое значение и соответствующие той или иной части речи грамматические свойства и грамматические признаки прилагательного, омонимичные с другими частями речи, выявляются только в контексте.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- А. А. — Алтын Арығ. В сб. «Алтын Арығ». Абакан, 1958.
 Кўн Т. — Кўмўс ханаттығ Кёк пора аттығ Кўн Тёнис. Сб. «Алтын Арығ». Абакан, 1958.
 Х. К. — Хан Кичегей. «Алтын Арығ». Абакан, 1958.
 Алб. — Албынчы. «Алыптығ ныхмахтар». Абакан, 1951.
 Айд. — «Айдолай». Абакан, 1963.
 Х. М. — «Хан Мирген». Абакан, 1969.
 А. Ч. — «Алтын Чўс (Алыптығ ныхмах)». Абакан, 1958.
 Алт. Т. — «Алтын Тайчы (Алыптығ ныхмах)». Абакан, 1973.
 Ай М. — «Ай Мирген (Алыптығ ныхмах)». Абакан, 1959.
 А. М. — Ай Мічіктең Кўн Мічік. Рукописн. фонд Хак-НИИЯЛИ.

¹¹ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах, Указ. соч., стр. 180.

СОДЕРЖАНИЕ

I

М. А. Унгвицкая. Проблема лирических жанров в хакасской поэзии	5
Р. А. Палкина. Зарождение прозы в литературах народов Южной Сибири (алтайцев, тувинцев, хакасов)	24
П. А. Трояков. Стихи М. Чебодаева	43
А. Г. Кызласова. Критика о романе Н. Г. Доможакова «В далеком аале»	52
В. Е. Майногашева. Эпические мотивы письма у хакасов и их исторические основы	63
А. И. Малютина. Герои «Истории моего современника» В. Г. Короленко и сибирская ссылка	81
Э. А. Абельтин. Ранние рассказы И. В. Федорова-Омулевского	98

II

М. И. Боргояков. Из истории формирования диалектных особенностей хакасского языка	111
Д. Ф. Патачакова. Формы настоящего времени в кызыльском диалекте хакасского языка	123
О. П. Анжиганова. Словосочетания с именами числительными в качестве зависимого слова	136
О. В. Субракова. Монгольские заимствования в языке хакасского героического эпоса	147
М. И. Боргояков. Развитие форм спряжения в хакасском языке (в сравнительном освещении)	161

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

О. В. Субракова. Синтаксические функции имен прилагательных в языке хакасского героического эпоса	182
М. Е. Килижеков. Типы слогов и особенности соединения звуков в английском и хакасском языках	192
М. Е. Килижеков. К вопросу об интонации в английском и хакасском языках	199

Т. Н. Тугужева. Об особенностях сочетаемости существительного <i>ипчи</i> в современном хакасском языке	203
Ф. Т. Андреева. К вопросу о семантической классификации диалектных фразеологизмов	212
К. М. Куюков. Просветительская и педагогическая деятельность Н. Ф. Катанова	217
В. Я. Бутанаев. Представления о небесных светилах в фольклоре хакасов	231
Г. С. Табастаев. Об эстетическом идеале и эволюции идеального героя в хакасском эпическом творчестве	241
В. Я. Бутанаев. К вопросу о хакасских цифровых знаках	256

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. И. Боргояков. С. Н. Иванов. Николай Федорович Катанов (Очерк жизни и деятельности). М., 1973	261
---	-----

ЮБИЛЕИ

Д. И. Чанков. Николай Георгиевич Доможаков (к 60-летию со дня рождения)	269
В. Е. Майногашева. Хакасский народный хайджи (к 90-летию со дня рождения и 60-летию сказительской деятельности С. П. Кадышева)	274

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ВЫП. XX

Серия филологическая № 3

Ответственный за выпуск М. И. Боргояков
Тех. редактор А. А. Самрина
Корректор Л. Ф. Доможакова

Сдано в набор 21/I-1975 г. Подписано к печати 11/VI-1976 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 3.
Усл. печ. л. 16,5. Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 500 экз. Зак. 1211.
АЧ01237. Цена 76 коп.

Типография «Советская Хакасия», г. Абакан, ул. Щетинкина, 32.

